

ЗУРИТ-МОНГОЛЬСКАЯ ПРАВДА

Орган ОК ВПН(С) Верховного Совета БМАСР и Улан-Удеса. ГИ ВПН(С)
№ 4 (1871) 10 марта 1942 г. вторник Цена 15 ко.

Макророботв России"

МОЛЕТОВ В ПОДАРОК СССР

в своем руководстве Сталин. Гитлер никогда не сможет этот народ. Если все мы будем вместе, мы сможем сказать русскому народу, чтобы победа союзников будет великой. Пусть кто посланец до ступит России в ее героические дни. Я приветствую все героическое сердце такой страны, такой женщины и матери, которые, подобно мне, с гордостью отдали своих сыновей, отдали все. Я могу сам быть летчиком. Будь я женщиной, я бы избрала эту профессию, но в то же время я бы стала стрелочницей, одной из которых будет назван «Привет Макророботв России», чтобы русские знали, что мы с ними до конца материально и духовно, до тех пор, пока не будет завоевана победа и не воцарится свобода.

Тихом океане

В Черном море идут Главные операции на южном участке фронта в районе нижнего течения реки Сит. На протяжении нескольких дней японцы удерживали позиции в западном берегу реки. Однако на одном из участков реки, где японцы все же форсировали реку в теппе, они ведут 15 километровую линию фронта по железной дороге, в котором перебрасываются интервалы из порта Р.

На Филиппинских островах японцы продолжают перебрасывать свои подразделения на остров Лусон. Восточная часть острова Лусон в последние дни японские авиационные бомбардировщики совершили на Филиппинском полуострове 4 марта несколько авиационных бомбежек восточной части Филиппинского полуострова, в результате которых было повреждено три крупных транспортных пункта в 12, 10 и 8 тысяч километровых восточных частях Филиппинского полуострова.

О преобразовании 4, 65, 174 истребительных, 43, 33, 5 бомбардировочных авиационных полков в гвардейские полки

- 1) 4 истребительных авиационных полков преобразованы в 4 гвардейских истребительных авиационных полка: 1) 4 истребительный авиационный полк преобразован в 4-й гвардейский истребительный авиационный полк; 2) 65 истребительный авиационный полк преобразован в 65-й гвардейский истребительный авиационный полк; 3) 174 истребительный авиационный полк преобразован в 174-й гвардейский истребительный авиационный полк; 4) 43 истребительный авиационный полк преобразован в 43-й гвардейский истребительный авиационный полк; 5) 33 истребительный авиационный полк преобразован в 33-й гвардейский истребительный авиационный полк; 6) 5 бомбардировочных авиационных полков преобразованы в 5 гвардейских бомбардировочных авиационных полков: 1) 5 бомбардировочный авиационный полк преобразован в 5-й гвардейский бомбардировочный авиационный полк; 2) 65 бомбардировочный авиационный полк преобразован в 65-й гвардейский бомбардировочный авиационный полк; 3) 174 бомбардировочный авиационный полк преобразован в 174-й гвардейский бомбардировочный авиационный полк; 4) 43 бомбардировочный авиационный полк преобразован в 43-й гвардейский бомбардировочный авиационный полк; 5) 33 бомбардировочный авиационный полк преобразован в 33-й гвардейский бомбардировочный авиационный полк.

Константин КАРНЫШОВ

Война страшно уплотнила время, выросли мы быстро...

(«Гринька Симухин»)

детского Информбюро

ФИНИШ СОБЫТИЯ В МАРТЕ
В марте 1942 года в войсках Южного фронта завершились боевые действия в районе Филиппинского полуострова. В результате успешных действий наших войск в марте 1942 года были освобождены значительные территории на Филиппинском полуострове.

Врагу не сломить наш народ!

НЕНАВИСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ВРЕМЕННО ОККУПИРОВАННЫХ СОВЕТСКИХ РАЙОНОВ К ГИТЛЕРОВЦАМ
В марте, в боях на Белоруссии, сообщается, что невозможно было удержать вражеские войска от того, чтобы они не покинули оккупированные территории. Наш народ не сломится под нажимом врага.

ЗАНЯТИ КНИЖКА «ИЗ ПРАСНОЙ АРМИИ»

Война страшно уплотнила время, выросли мы быстро... Эта книжка рассказывает о жизни солдат Красной Армии в тылу. Она полна интересных фактов и историй.

ИВАНОВ НЕВЕЩАЮЩЕГО ВОЕН...

Воспитатель Иванов не вещает, он учит. Он показывает своим воспитанникам, как нужно вести себя в трудные времена.

Мое письмо... Это письмо от солдата, который находится в тылу. Он рассказывает о своей жизни и о том, как он готовится к предстоящим боям.

Ваша газета... Мы читаем вашу газету с большим интересом. Она дает нам много полезной информации.

ГРИНЬКА СИМУХИН

(рассказ)

На фотографии военных лет, побывавшей в различных передрягах, с оборванными краями, Гринька стоит среди своих сверстников во втором ряду. Сделана она в дни призыва на службу. Все они по такому случаю приоделись. По тем небогатым временам без какой-либо броскости. На Гринькиных плечах длиннополый куртик домашнего шитья. На голове кепка. Тогда в ходу были восьмиклинки. Удлиненное лицо, задумчивое, подернутое тенью печали. Идет война. Дома останутся мать с младшим братом школьником. Гринька уже к своим неполным семнадцати годам всюю вошел в работу. Как они будут без него? Отец, вернувшийся из немецкого плена, отравленный газами, вскоре умер. Что осталось после него: оголенный сарай, некорыстная стаюшонка с коровой, дом с деревянной кроватью, с русской печью, с двумя столами и скамейками — все его убранство. Мать — вечная домохозяйка. Хлебное поле в Татарском Ключе было отобрано. Усадьба подрезана. Раньше они кормили семью. Были с зерном. Теперь картошки не хватало даже до конца весны. Много ли ее вырастишь на отведенном клочке. Гринькин дом стоял через два дома от нашего. Только на другой стороне улицы на углу заулка. Сколько раз за день по тем или иным задельям пробежишь по нему к берегу. Или покупаться, или за плавником для печи, или поудить, или просто поноситься по берегу: вдруг подвалит удача, что-нибудь выбросит море. На жуткую находку я однажды наткнулся, простреливая глазами приборную полосу, заваленную шарой, ракушками, камышовыми дудками и сучьями. Не сразу я пришел в себя, чуть ли не задохнувшись от страха. От утопленника почти ничего не осталось, кроме скелета, отполосканного водой до костей. Там же на берегу, на пригорье, отец

откопал могилу и захоронил останки. Еще долго я не мог спокойно проходить мимо этого места.

Какой бы печальной изнанкой ни смотрела на нас жизнь, были мы народцем дошлым, на всякие проказы гораздым. Рассердившись при игре в лапту на Гриньку, я вцепился в его ичиг. Сколько ни пытался он меня скинуть, отодрать, но так и не мог. Волочил за собой, как торбу. Уговоры не помогали. Ноша-то не из приятных. «Скажи, скажи, что играл не так», — требовал я от него, клещевато обвив руками его ногу. «Ну, виноват, виноват», — пошел он на попятный. Не ожидал я такого шага от Гриньки. Принародно, прилюдно слабость свою показывать. Признавать ее перед какой-то мелкотой. Не проще ли было бы крепко отмутузить приставателя. Не лезь, не досаждай, знай, кто перед тобой. Были мы в той поре, когда жалостливыми нас не назовешь. Даже не догадывались, что делаем кому-то больно. Вот по такому жестокосердию я и научился плавать лет в девять. Стоял на берегу речки, глазел на купающихся. Неожиданно кто-то сзади толкнул меня в воду.

«Это же он сделал», — мелькнула в моем затуманенном сознании догадка, когда я отчаянно шлепал по воде руками. Сквозь залитые влагой и слезами слипающиеся ресницы я увидел, как Гринька поспешно отрывался от того самого места, где я был зашвырнут кем-то в речку. Я даже не сразу сообразил, что держусь на плаву, не тянет меня камнем на дно, как это было раньше.

— Это ты, ты! — вопил я, выбравшись на берег и еще до конца не отдышавшись. Злость сильно во мне подтаяла. Я как бы еще не вышел полностью из нее, но был уже во власти иных чувств. Могу, могу теперь держаться на воде — ликовало все во мне.

Зачем же я поднимаю голос до таких высот на Гриньку? Вовсе, может, и не он это сделал, а если он, ну и что. Что-нибудь я потерял, разве не счастлив, пусть и коротким счастьем? В кои веки оно выпадает. Сколько было у меня за мое десятилетие таких мгновений. Мало их наберется. Ведь я уже не боюсь никакой воды. Могу нырнуть в любую глубь речки, заплыть в море.

Не без опасений пробегал я по заулку. Побаиваясь, как бы Гринька не выскочил из своей ограды. Сильно я его унизил. Не всякий это стерпит. Не мог я даже подумать, что через несколько лет в нашей жизни все может круто перемениться. Осиротеет дом. Умрет мама. Уйдут на службу старшие братья. И войне не будет видно ни конца ни края. А в семью к нам войдет новый человек — тетка Варвара, Гринькина мать, с сыном Ганькой. Приведет во двор свое приданое — яловую корову, не прибавив достатка. Теперь в наш дом поступали письма-треугольники от двух фронтовиков. Мой брат Федор воевал в артиллерии, командовал орудием; Гринька был пехотинцем. Разница в летах у меня с ним в три года. Каждую секунду он ходит

передовой, каждый день чем-нибудь заполнялся желудок. Под огнем протаскивалось или привозилось, наливалось горячее или холодное в котелок, а если его не оказывалось, то и в каску. А вот дома... Боже мой, как жалко мать и брата Ганьку! Как на вешалках висит на них одежда. Напарник ждал, торопил, нетерпеливо перетаптывался, ну, что ты?

С пыхтением и одышкой пронесли бревно до сруба. Корячась и шаркая сапогами, взошли на открылки лесов. Встали по углам сруба, под тяжестью сгибаясь и пуча глаза и сдавливая челюсти. Под согласный возглас — подняли! — Гринька резко оторвал бревно от плеча. В спине хрустнуло. Прежней упругой силы в теле не было. И бревно, дрогнув, угрожающе подалось вниз. Ударило в плечевую кость. Пронзила боль. В голове сверкнуло. Гриньку качнуло и повалило. Бревно, догнав его на земле, толкнулось в грудь, раскрошило ребра, поразрывало что-то внутри живота. До больницы Гриньку не довезли, умер он по дороге.

О смерти его я узнал в госпитале. Вернувшись домой через несколько дней, пошел на кладбище к родичам. Птичьим переключением встретило оно меня, березовым и осиновым шумом. Обойдя своих, постояв на коленях возле оградок, крестов, я стал искать Гринькину могилу. С фотографии он смотрел страшно юным — чуть больше двадцати ему. Под осевшей двухметровой земляной насыпью он тоже останется вечно молодым...

И снова я на кладбище. Пятьдесят лет отгорело. В каждый приезд стараюсь побыть у своих. Постоять в горестном раздумии над могилами. Цветочек воткнуть, конфеток положить, словно поднимутся они и отведают. Гринька на фотографии все тот же, безумно молодой, глаза широко открыты. Я же дряхл, худ, хром, ношу с мучениями задышающуюся грудь. Безрадостными глазами смотрю на небо, на солнце. Без удивления слушаю птичью возню в кронах. Зачем живу, если никому не нужен, никому не в радость, от самого себя уставший? И как боязливо вслушиваюсь в лестничную жизнь: не идут ли? С опаской взираю на дверь, поджидая в нее стука. Иногда просящие — язык не поворачивается называть их нищими — выстраиваются очередью. А ведь у самого бывают дни, когда надеешься на счастливый случай.

— Ломтика не найдется? Со вчерашнего дня крошки не было во рту... — Никуда не денешься от просящего взора, везде он догоняет...

Отчего-то еще и поныне я как бы пытаюсь переменить ход того злосчастного дня, чтобы задним сроком поправить Гринькину судьбу. «Гринька, Гринька, — окликаю я через земную толщу его. — Что же ты? Не под силу было отощавшему тебе за бревно хвататься, а ты полез под него. Зачем не поберегся?» Слышит ли он меня?

Почему же в России всегда столько голодных? Или постоянно снится мне один и тот же дурной сон?